

От чего устал Хазанов?

От того, что предпринял очередную малоудачную драматическую попытку. Да еще и Филиппенко за собой потянул

Незадолго до премьеры «Трупа на теннисном корте» создатели спектакля давали пафосную пресс-конференцию. Естественно, в ИТАР-ТАСС — куда же еще с таким масштабом личностей податься? Дедушки и бабушки московского репортерства, ловя взгляд Хазанова, лстыиво подползали с вопросами: «И как это вас, Геннадий Викторович, на все хватает? И как это вы не устаете?». Герой дня собирал на лицо весь опущенный ему природой серьез и важно так отвечал, что да, мол, усталость накоплена значительная, пора бы и отдохнуть...

Честное слово, если наши многоуважаемые худруки, как вечные, так и новоиспеченные, не оставят привычку вещать, нормальным журналистам перед входом на очередную «прессуху» придется выдавать гигиенические пакеты. Ну скажи ты не как артист — как мужик: «Ладно, чего там, и тяжелее люди в этой стране работают, однако же никто их не спрашивает...». По уровню бессовестности и дурновкусия наша так называемая творческая интеллигенция бьет все рекорды.

До назначения на высокий пост Хазанов был проще и, кажется, даже умнее. Тогда он хорошо делал свое дело. Теперь плохо делает чужое. Нет, ради Бога, право на переквалификацию гарантировано еще Ильфом и Петровым, но что-то всерьез менять, не побоясь в мелочах потерять, можно только при наличии двух вещей — мужества и честности.

Мужество это: а) пригласить в театр большого режиссера и позволить ему в случае необходимости хлестать себя по щекам; б) выбрать высококлассную, трудную пьесу и сражаться с ней, как в последний раз; в) выбросить на помойку собственное представление о собственной нечеловеческой популярности. А честность понадобится, чтобы признать себя побежденным. И это нормально для начинающего драматического актера, каковым пока является Геннадий Хазанов.

«Труп на теннисном корте» не соответствует ни одному из вышеперечисленных условий. Пьеса Энтони Шеффера может сколько ей угодно идти на Бродвее, получать премии, экранизироваться (даже с привлечением Лоуренса Оливье), а литсотрудники Театра Эстрады волюно именовать ее в программке «высококлассным триллером с дьявольскими сюжетными поворотами», однако из ничего не будет ничего. Пьеса средненькая. В качестве детектива ее рассматривать вообще странно: острожные (отнодь не дьявольские) сюжетные зигзаги просматриваются до горизонта, каждый ход предсказуем, напряжение, как в розетке, — под утюг и чайник. Комедия из «Трупа...» тоже хреновая: за два часа сценического действия мне лично удалось улыбнуться раз пять. Текстик мягкий, вялый, пресный, слегка подысковерканный авторами спектакля.

Героев двое: популярный детективный писатель типа Акунина, если бы Акунин был высоким, обаятельным и светским, — его играет Але-

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

ксандр Филиппенко; и сосед писателя, а также любовник его жены, англичанин итальянского происхождения, полный плебей — роль, доставшаяся Геннадию Хазанову. Неизвестно, чего писателю хочется — то ли жену вернуть, то ли потренироваться, а может, это легкий акт мести, но он втягивает соседа в свою игру, немножко интригует, немножко путает, немножко унижает. Гоняет его, как шарик клюшкой. Во втором акте герой Хазанова сильно напрягает мозги и делает ответный ход. Розыгрыш достаточно примитивен, тем не менее писатель на него покупается. Теперь играют оба — только один азартно и вдохновенно, на ходу меняя правила, а второй — злобно и подневольно...

Евгений Каменькович вообще режиссер средний — из многочисленных питомцев гнезда Фоменко, овладевших азами профессии. Но успех в искусстве обеспечивается не профессиональными, а прежде всего личностными качествами. У Каменьковича явные проблемы с эмоциями. Со способностью чувствовать — глубоко и остро. В общем, не самый он человеческий человек, в работе во всяком случае. Мало того, что режиссуры в «Трупе...» ноль, так еще под финал незапланированно возникает весьма комический эффект. Когда писатель просит оскорбленного соседа: не уходи, побудь со мною, оставаясь здесь жить, зрители начинают хихикать, настолько явно просвечивается в этих молябах голубизна. А ведь у автора имеется в виду совсем другая штука — привязанность человека к человеку. Почувствуйте разницу: человека к человеку или мужика к мужику...

Ладно, давайте, наконец, похвалим то, что заслуживает комплиментов, — сценографию

Александра Боровского. Какие они все-таки, Боровские, талантливые!.. Прелестный красный кирпичный особняк в духе старой доброй Англии, со святающимися окошками и дымком из трубы. Кукольный домик-трансформер, который по мере необходимости раскладывается на бар, гардероб, уютную гостиную с кожаным диваном... И Филиппенко очень живописно вещает с миниатюрного балкончика, перекрывая лысой головой чердачное окно...

Ну и главное — актеры. Хазанов со времен «Птиц» драматически не вырос (а на чем ему расти — на Каменьковиче с Шеффером?), но по соседству с Филиппенко ведет себя более целомудренно. Штукарить в одиночку, без поддержки ему, видимо, неловко. Что касается Александра Георгиевича, играть ему толком нечего, и он позволяет старому товарищу по театру МГУ использовать себя в качестве спортивного снаряда. Детство, юность и университеты Хазанова проходят вблизи весьма достойных партнеров. Только непонятно, зачем самим партнерам это нужно. Возьмите Филиппенко: стесняется работать в жанре моно. Стремится хоть в какой, но в коллектив. Как результат — будучи чертовски талантливым, уже несколько лет живет по схеме «поматросили и бросили»...

— Не перестанешь комплексовать, — сказала я ему в предварительной устной рецензии, — до конца жизни останешься козлом.

На другом конце провода повисла пауза.

— Гимнастическим.

— Класс, — выдохнул Филиппенко. — Так и напиши.

— Так и напишу.

Выполняю обещание.